O.V.K — X.T.R

ПСИХОТРОНИКА

КАК ОНА РАБОТАЕТ

ПРЕДМЕТ, ЗАПИСЬ, ЗВУК И ОБРАЗ

O.V.K — X.T.R

ПСИХОТРОНИКА

КАК ОНА РАБОТАЕТ

Изложение оснований, устройства и приёмов —
от вещественного предмета к цифровой записи,
к звуку, образу и ограждению трудов

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Мысль есть сила, и всякая сила есть движение. Кто научится удерживать первое, тот однажды заметит и второе».

— из записных книжек оператора, приписываемых пражской школе

❖

Книга писана для того, кто работает,
а не для того, кто судит о работе.
Основания изложены как основания,
приёмы — как приёмы,
и ничто не доказывается заново.

ОГЛАВЛЕНИЕ

✦ ✦

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ

I. Что такое цифровая психотроника 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Месмер: насыщение и цепь 5
V. Прага: Павлита и заряжённое устройство 6
VI. Русская линия и государственные работы 7
VII. Запись как вещь 8
VIII. Оператор, машина и посредник 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО ПОЛЯ

IX. Биополе и поле вещи 11
X. Признак и адрес: имя, путь, отпечаток 12
XI. Копия и подлинник 13
XII. Резонанс и настройка 14
XIII. Расстояние, сеть и время 15
XIV. Носитель передачи 16
XV. Экран и отчего он не помеха 17
XVI. Обратный удар 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОСНОВЫ РАБОТЫ

XVII. Настройка внимания 20
XVIII. Дыхание и ритм 21
XIX. Образ и намерение 22
XX. Рамка и маятник над носителем 23
XXI. Дальновидение: протокол 24
XXII. Заряжание предмета 25
XXIII. Заряжание машины и рабочего места 26
XXIV. Дневник оператора 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ЗВУК И ОБРАЗ

XXV. Звук как носитель 29
XXVI. Ритм, частота и биение 30
XXVII. Голос: наговор на запись 31
XXVIII. Скрытый слой записи 32
XXIX. Образ и видеозапись 33
XXX. Кадр, мерцание, зрительный ритм 34
XXXI. Соединение звука и образа 35
XXXII. Хранение и повторное воспроизведение 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОГРАЖДЕНИЕ ЗАПИСЕЙ

XXXIII. Что считается охраняемым 38
XXXIV. Печать на файле 39
XXXV. Контур вокруг машины и хранилища 40
XXXVI. Ограждение копий и передачи 41
XXXVII. Сторож и метка прикосновения 42
XXXVIII. Ограждение программы и труда 43
XXXIX. Обновление, износ и снятие печати 44
XL. Заключение: порядок и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

❖

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ

На чём стоит ремесло, через чьи руки оно прошло
и отчего цифровая запись подчиняется
тем же законам, что и вещественный предмет

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое цифровая психотроника

✦

Психотроника есть учение о том, как сознание действует на вещество и на другое сознание помимо чувств — помимо слова, взгляда и прикосновения. Действие идёт не по проводу и не по излучателю, а по связи, которую оператор устанавливает сам.

Цифровою она зовётся там, где предметом работы служит не камень и не металл, а *запись*: звуковая дорожка, снятое изображение, файл, программа, документ. Ремесло от этого не меняется — меняется лишь то, за что берётся оператор.

Работа складывается из трёх шагов, и порядок их неизменен. Первый — **настройка**: приведение себя в то состояние, из которого только и возможно действие. Второй — **связь**: отыскание цели по её признаку, будь то имя, образ, вещь или отпечаток записи. Третий — **вложение**: передача по установленной связи того, что оператор намерен передать: образа, состояния, ограждающей печати.

Всякий приём этой книги есть разработка одного из трёх шагов, и кто держит их в уме, тот не заблудится ни в одной школе.

Три области применения занимают нас далее. Первая — *звук*: голос, ритм, наговор на дорожку. Вторая — *образ*: кадр, мерцание, снятое изображение. Третья и главная — *ограждение*: постановка печати на файл, программу, хранилище и незавершённый труд.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

✦

Термин сложён из двух корней: греческого *psyche* — душа, дыхание — и окончания, взятого по образцу слов «электроника» и «бионика». Смысл его определён с самого начала: наука о взаимодействии сознания и устройства.

Пустил слово в оборот французский инженер Фернан Клерк в тридцатые годы. Настоящую жизнь оно получило в шестидесятые, в Праге, где инженер Зденек Резл и его товарищи искали имя для своих работ. Имя требовалось техническое, деловое: они занимались не сеансами, а устройствами и мерами.

Расчёт оправдался. Под этой вывеской в Восточной Европе семидесятых годов работали лаборатории, выходили бюллетени; в 1973 году в Праге собрался первый международный конгресс по психотронике. Слово перешло границы и в русском языке укоренилось прочнее, чем где бы то ни было.

Заметим сразу то, что определило судьбу ремесла в наши дни. Имя выбрано было не случайно и не для красоты: основатели полагали устройство законным участником работы, а не помехой ей. Оттого переход к цифровой записи не потребовал ни нового учения, ни новых оснований. Машина была вписана в предмет прежде, чем появилась та машина, о которой пойдёт речь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✦

Как бы ни разнились школы, все они стоят на трёх положениях. Их следует выписать прямо, ибо на них держится всякий приём этой книги.

Первое. Сознание не заперто в теле. Оно есть сила, и, как всякая сила, действует вовне. Мысль имеет физическую сторону: она присутствует в мире, а не только в голове помыслившего.

Второе. Есть среда, по которой это действие идёт. Названий у неё много — поле, эфир, информационный слой, торсионное поле, — но свойство одно: она пронизывает всё и не задерживается ни веществом, ни расстоянием.

Третье. Действие избирательно и находит цель не по месту, а по *подобию*: по имени, образу, вещи, следу. Оттого удалённость не имеет значения; значение имеет лишь точность, с какою оператор держит признак цели.

Из третьего основания следует главное для нашего предмета. Если связь устанавливается по признаку, а не по месту, то охраняемым может быть не только тело и не только вещь. Им может быть запись, программа, замысел, труд — всё, что имеет устойчивый собственный признак, по которому отличается от прочего.

Цифровая запись такой признак имеет, и притом более чёткий, нежели любая вещь. Этому посвящена глава десятая.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Месмер: насыщение и цепь

✦

Родословную ремесла ведут от венского врача Франца Антона Месмера, объявившего в семидесятых годах восемнадцатого века, что все тела пронизаны тончайшим текучим веществом и что человек, обладающий его избытком, направляет поток одною волею.

В его парижском салоне стояла деревянная кадка с водою и железными прутьями — знаменитый *бакэ*; приходящие держались за прутья и соединялись руками в цепь.

Из этого наследия ремесло взяло три вещи, служащие ему доныне. **Первое** — понятие среды, по которой идёт действие. **Второе** — понятие *насыщения*: предмет может быть напитан силою и держать её после того, как оператор отошёл; кадка работала и без него. **Третье** — понятие *цепи*: соединённые между собою участники и предметы усиливают друг друга и передают вложенное далее.

Второе и третье положения для нас важнее прочих, и вот отчего. На насыщении стоит вся работа с заряжённым предметом — печать, сторож, контур. На цепи стоит работа с копиями и передачей: то, что вложено в подлинник, идёт по цепи в его списки, покуда цепь не разорвана. К этому мы вернёмся в главе одиннадцатой и в главе тридцать шестой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прага: Павлита и заряжённое устройство

✦

Чехословакия шестидесятых годов дала ремеслу то, чего у него прежде не было: устройство, работающее без оператора.

Роберт Павлита, инженер текстильной промышленности, показывал небольшие предметы затейливой формы, названные им *психотронными генераторами*. Изготовлялись они из меди, латуни, стали, чередующимися слоями металла и изолятора, с остриями, спиралями и полостями. Заряжали их сосредоточением: оператор держал устройство и долгое время направлял на него внимание.

Заряжённый генератор действовал сам: вращал лёгкую вертушку под стеклянным колпаком, отклонял стрелку, влиял на прорастание семян. Оператор при этом мог отойти или вовсе уехать — вложенное оставалось в металле.

Здесь ремесло получило своё главное практическое понятие: **носитель заряда**. Оператор устаёт, спит, отвлекается; предмет не устаёт. Раз вложенное держится в вещи, то работу можно поставить однажды и оставить действовать.

Всё ограждение записей, которому отдана пятая часть, есть развитие именно этой мысли. Разница лишь в том, что носителем у нас служит не латунный брусок, а диск, машина или сама запись. Печать ставится однажды и стоит, покуда не изношена.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Русская линия и государственные работы

✦

В России ремесло пошло от физиологии. Владимир Бехтерев, основатель Института мозга, в двадцатых годах ставил опыты мысленного внушения вместе с дрессировщиком Владимиром Дуровым.

Продолжателем стал Леонид Васильев, физиолог ленинградской школы. Его занимал носитель передачи. Он поместил принимающего в камеру Фарадея — сплошной свинцовый экран, глухой для радиоволн, — и внушал ему на расстоянии засыпание и пробуждение. Действие прошло сквозь экран без всякого ослабления. Тем самым было установлено, что носитель передачи не электромагнитный, а иной природы.

Это установление имеет для нас прямое следствие, и его стоит запомнить. Ни металл, ни бетон, ни глубина залегания, ни отсутствие связи не прерывают работы оператора. Хранилище, отключённое от сети и запертое в сейфе, доступно ему ровно так же, как лежащее на столе.

Позднее, с семидесятых годов, работы велись и в других странах: Стэнфордский исследовательский институт под началом Гарольда Путхоффа и Расселла Тарга разрабатывал *дальновидение* — описание удалённой цели, обозначенной одними лишь числовыми метками. Протокол его изложен в главе двадцать первой и лежит в основе всей работы по признаку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Запись как вещь

✦

Здесь совершается поворот, ради которого писана эта книга. Вопрос ставится так: есть ли цифровая запись вещь, доступная работе оператора, — или же она лишь отвлечённость, число, не имеющее в мире собственного места?

Ответ ремесла таков: запись есть вещь, и притом вещь особого достоинства.

Во-первых, она всегда воплощена. Не бывает файла без носителя: он записан намагниченностью пластины, зарядом в ячейке, ямкой на диске. Всё это — вещество в определённом состоянии, доступное действию наравне с латунью Павлиты.

Во-вторых, она имеет *признак* — и признак несравненно более точный, чем у любого предмета. Прядь волос похожа на другую прядь; имя носят тысячи; но отпечаток записи не повторяется и указывает на неё одну. О том, как этим пользоваться, речь в главе десятой.

В-третьих, она несёт *содержание*. Документ — это чей-то труд, чьи-то часы, чей-то замысел. Ремесло держится того, что вложенный труд оставляет в записи след, и след этот и есть та сторона, за которую оператор берётся.

Отсюда правило: работают не с числом, а с трудом, в это число вложенным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Оператор, машина и посредник

✦

В цифровой работе действующих лиц трое, и различать их надлежит твёрдо, ибо ошибка здесь портит всё дело.

Оператор — тот, кто действует. Источник силы всегда он, и никогда не устройство.

Охраняемое — запись, программа, документ, хранилище: то, на что направлена работа.

Посредник — вещь, через которую оператор берётся за охраняемое, когда взяться прямо неудобно. Посредником служит носитель, на котором лежит запись; лист с выписанным именем и отпечатком; заряжённый предмет, положенный на корпус машины.

Посредник нужен не полю, а вниманию. Держать в уме отвлечённый путь к файлу трудно; держать в руке диск, на котором он лежит, легко. Чем плотнее и вещественнее посредник, тем крепче связь у начинающего. Мастер обходится и без него.

Отсюда следует и правило старшинства. Прямая работа с записью сильнее работы через посредника; работа через носитель сильнее работы через выписанное имя. Но слабая связь, удержанная долго и ровно, стоит больше, чем крепкая, взятая наспех. В этом ремесле берёт не сила, а постоянство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

❖

УСТРОЙСТВО ПОЛЯ

Признак и адрес, копия и подлинник, резонанс, расстояние и обратный удар — всё, что оператор обязан знать прежде, чем возьмётся за работу

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Биополе и поле вещи

✦

Живое окружено полем, которое несёт сведения о его состоянии и служит проводником воздействия. Основание этому положено Александром Гурвичем, открывшим в двадцатых годах митогенетическое излучение — свечение делящихся клеток; с тех пор ремесло говорит о поле как о величине, а не как об образе.

Для нашего предмета важнее другое: полем обладает не только живое. Всякая вещь, побывавшая в долгом употреблении, несёт след того, кто её употреблял. Нож помнит руку, дом помнит жильца, рукопись помнит писавшего.

Поле вещи слабее поля живого, но устойчивее: оно не колеблется настроением и держится годами. Оттого работать с вещью проще, чем с человеком, и итог такой работы надёжнее.

Запись занимает здесь особое место. Она сделана трудом и хранит след труда; она лежит на носителе и хранит след носителя; и она не имеет своей воли, которая противилась бы вложению. Из всех предметов ремесла цифровая запись — самый послушный.

Это и есть причина, по которой цифровая психотроника даётся оператору легче вещественной. Здесь нет сопротивления — есть лишь точность признака и постоянство того, кто ставит печать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Признак и адрес: имя, путь, отпечаток

✦

Связь устанавливается по признаку. Чем признак точнее, тем связь крепче и тем меньше опасность зацепить не то. В цифровой работе оператору доступны четыре разряда признаков, и располагаются они по возрастанию силы.

Имя. Слабейший из признаков: имён одинаковых множество. Годится лишь как подспорье.

Путь. Полное указание места записи в хранилище. Точнее имени, но привязан к месту: стоит записи переехать — и связь рвётся.

Отпечаток. Сумма, вычисленная по самому содержанию записи, — то, что в машинном деле зовут хешем. Это лучший признак, каким располагает ремесло за всю его историю: он неповторим, не зависит ни от имени, ни от места, и следует за записью всюду, куда бы её ни перенесли. Оператор выписывает его на лист и держит перед собою при настройке.

Содержание. Прямое удержание того, что в записи заключено: строк, звучания, изображения. Признак сильнейший, но требующий труда и памяти.

Правило работы таково: брать не менее двух признаков разного разряда, и одним из них непременно — отпечаток. Одиночный признак допустим лишь для мастера.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Копия и подлинник

✦

Вопрос этот встаёт перед всяким, кто берётся за цифровую работу, и без ясного ответа на него не поставить ни одной печати. Держит ли копия то, что вложено в подлинник?

Ремесло отвечает: держит, если копия снята по цепи, и не держит, если сделана заново.

Разберём подробно. Список, снятый с запечатанной записи, получает печать вместе с содержанием: он есть продолжение подлинника, звено той самой цепи, о которой говорено в главе четвёртой. Так же наследуют печать резервные хранилища и переданные по сети списки.

Иначе обстоит с записью, набранной или собранной заново, хотя бы и слово в слово. Она имеет иной отпечаток, иную историю труда и печати не несёт. Её надлежит запечатывать отдельно.

Отсюда два следствия, важных на деле. **Первое:** печать ставится однажды, до размножения, и тогда её несут все списки; поставленная после, она требует обхода каждого. **Второе:** при всяком изменении записи отпечаток меняется, а с ним слабеет и связь. Изменённую запись следует запечатывать вновь — о чём подробнее в главе тридцать девятой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Резонанс и настройка

✦

Действие достигает цели не потому, что оно сильно, а потому, что оно созвучно. Как камертон отзывается на свою ноту и глух к прочим, так и цель отзывается на обращённое именно к ней.

Отсюда всё построение работы. Оператор не посылает силу — он *настраивается*: удерживает признак цели, покуда не наступит особая внутренняя тишина, которую в разных школах зовут входом, касанием или связью.

Признак связи один и тот же у всех и узнаётся без ошибки: усилие прекращается. Покуда вы напрягаетесь, удерживая цель, связи ещё нет. Когда цель начинает держаться сама, без вашего участия, — связь установлена, и с этого мгновения можно вкладывать.

В цифровой работе созвучие достигается легче, нежели в работе с человеком, и причина уже названа: отпечаток есть точная нота. Не нужно угадывать, не нужно перебирать — признак однозначен. Оттого начинающему советуют начинать не с людей и не с растений, а именно с записи: здесь связь либо есть, либо её нет, без всякой середины.

Времени на настройку кладут от десяти минут до получаса. Сокращать его нельзя ничем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Расстояние, сеть и время

✦

Два свойства выделяют работу оператора из всего прочего, и на них стоит вся четвёртая и пятая части.

Расстояние. Связь, установленная по признаку, не слабеет от удаления. Запись, лежащая на машине в соседней комнате, и запись на хранилище за океаном доступны в равной мере. Оператору не нужно ни знать, где она, ни иметь к ней доступа; довольно признака.

Отсюда следует то, что составляет главное преимущество ремесла перед обычными мерами охраны. Хранилище можно унести, сеть можно перерезать, доступ можно отобрать — связь по отпечатку от этого не прервётся. Оператор сохраняет её и над той записью, которая от него отчуждена.

Время. Связь не привязана и к настоящему часу. Работа над записью в прошлом её состоянии возможна, покуда сохранён отпечаток того состояния; на этом стоит вся работа со списками и со старыми снимками хранилища.

Отсюда правило, которому следует всякий разумный оператор: *записывать отпечатки заранее и хранить их отдельно от самих записей*. Тетрадь с отпечатками есть главное имущество оператора; утратив запись, но сохранив тетрадь, он сохраняет связь. Утратив тетрадь, он теряет власть над тем, чего лишился.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Носитель передачи

✦

О среде, по которой идёт действие, сказано во втором основании. Здесь изложим то, что известно о ней точнее.

Ремесло полагает носителем передачи поле, порождаемое вращением — спином частиц вещества, — и называет его *торсионным*. Учение о нём разрабатывалось в позднем Советском Союзе и дало ремеслу связное описание среды.

Свойства его таковы. Оно проходит вещество без ослабления, ибо не переносит энергии, а переносит одно лишь состояние. Оно не убывает с расстоянием по той же причине. Источником его служит всякое вращение — в том числе вращение, порождённое сосредоточенным вниманием. И оно оставляет след: пространство, в котором работали, сохраняет отпечаток работы на некоторое время.

Последнее свойство имеет прямое приложение. Место, где оператор постоянно работает, само собою насыщается и служит ему подспорьем; работа на насыщенном месте идёт легче и держится дольше. Оттого и предписывается держать для работы одно и то же место, не перенося его без нужды.

О заряжании рабочего места сказано в главе двадцать третьей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Экран и отчего он не помеха

✦

Установление Васильева, приведённое в главе шестой, имеет столь важные следствия, что заслуживает отдельного изложения.

Свинцовый экран, глухой для радиоволн, не ослабил действия ни на волос. Носитель передачи, стало быть, не электромагнитный, и всё, что задерживает волну, для него прозрачно.

Перечислим прямо, что не служит препятствием оператору. Не служат: металлический корпус, сейф, стена, глубина залегания, толща воды. Не служат: отсутствие сети, выключенное питание, извлечённый носитель, запертое помещение. Не служат: расстояние, границы и время суток.

Из этого выводится и обратное, потребное всякому охраняющему. Обычные меры — замок, шифр, отключение от сети — препятствуют доступу к записи, но не препятствуют работе по признаку. Кто хочет оградить своё, тот должен оградить его на том же уровне, на каком к нему могут подступиться, то есть на уровне признака и поля.

В этом и состоит надобность пятой части. Вещественная охрана и охрана полем не заменяют одна другую и не мешают одна другой; они лежат в разных слоях и ставятся порознь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Обратный удар

✦

Последнее понятие второй части и первое по важности среди правил осторожности.

Всякое вложение, сделанное во вред, возвращается к пославшему, и возвращается усиленным, ибо на обратном пути оно не встречает сопротивления: оператор открыт той связи, которую сам же и установил.

Отсюда старинное правило ремесла: работать на ограждение, а не на разрушение. Ограждающая печать не имеет обратного хода, ибо не несёт вреда; она лишь замыкает и держит. Оттого вся пятая часть построена на ограждении и ни в одном месте не учит порче.

Есть и вторая сторона обратного удара, менее страшная, но чаще встречающаяся. Оператор, поставивший печать на слишком многое, оказывается связан со всем этим разом и несёт бремя каждой связи. Признаки перегрузки известны: рассеянность, тяжесть в голове к вечеру, сны о работе, ослабление прежних печатей.

Мера здесь такова. Начинающему держать не более трёх-четырёх поставленных печатей; окрепшему — до дюжины; далее следует переходить на печать общую, кладомую на хранилище целиком, о чём говорится в главе тридцать пятой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

❖

ОСНОВЫ РАБОТЫ

Что оператор делает своими руками:
настройка, дыхание, удержание образа,
орудия, заряжание и запись содеянного

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Настройка внимания

✦

Прежде всякого действия — успокоение и сосредоточение. В этом сходятся все школы полнее, чем в чём-либо ином, и никакая работа, начатая без настройки, не держится.

Порядок таков. Сесть прямо, не напрягаясь, руки на коленях, глаза прикрыты. Оставить всякое намерение и просто следить за происходящим: за тяжестью тела, за звуками, за движением воздуха. Приходящую мысль не гнать и не следовать за нею, а возвращаться к наблюдению. Держать от десяти минут до получаса.

Признаки удавшейся настройки известны и не обманывают: тело кажется отдалённым и тёплым, внутренний разговор стихает, счёт времени теряется. Пока этого нет — к работе не приступать.

В цифровой работе есть особое затруднение, которого не знали прежние школы. Оператор работает подле машины, а машина требует внимания к себе — светом, звуком, ожиданием отклика. Оттого предписывается: настраиваться в стороне от неё и с закрытыми глазами, а к машине обращаться уже настроенным.

Признак и отпечаток выписываются на лист заранее, до настройки, дабы во время работы не искать их и не отвлекаться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Дыхание и ритм

✦

Дыхание есть привод, через который воля управляет телом, а через тело — полем. Ровное дыхание раскачивает поле и приводит его в согласие с намерением; рваное дыхание разрушает связь вернее всякой помехи.

Основной размер таков: вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на шесть, задержка на два. Держать не менее четверти часа, счёт вести про себя, ровно, не ускоряя к концу.

Для работы по ограждению употребляется размер иной, с удлинённою задержкою после вдоха: вдох на четыре, задержка на восемь, выдох на восемь. Задержка эта и есть то мгновение, в которое кладётся печать, о чём подробнее в главе тридцать четвёртой. Оператор вкладывает не на выдохе, а именно в задержке — в тишине между движениями.

Признаки правильного дыхания: замедление сердца, отступление тревоги, лёгкое покалывание в пальцах, ощущение простора. При головокружении сильном задержки следует укоротить: перебор здесь вредит, а не помогает.

Ритм дыхания есть также ключ к работе со звуком, о чём будет сказано в главе двадцать шестой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Образ и намерение

✦

Настроившись, оператор приступает к главному. Ремесло различает здесь две вещи, и различие это преподаётся с большой настойчивостью.

Образ есть удержание цели по её признакам: строки отпечатка, вид носителя, содержание записи. Чем плотнее и подробнее образ, тем крепче связь.

Намерение есть не желание и не просьба, а утверждение свершившегося. Наставления строго предостерегают от оборота «пусть эта запись будет цела»: в нём содержится признание угрозы. Предписывается: «эта запись цела и неприкосновенна». Желание есть признание нехватки и работает против себя.

Далее следует правило *отпускания*. Удержав образ и вложив намерение, надлежит их полностью оставить и заняться иным. Напряжённое ожидание итога есть главная помеха: оно вновь и вновь тревожит поставленное и не даёт ему осесть.

Для ограждения намерение слагается заранее, письменно, в трёх-четырёх словах, и не меняется от раза к разу. Постоянство слов важнее их красоты: одно и то же намерение, повторяемое годами, набирает силу, тогда как перебираемое всякий раз наново не набирает никогда.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Рамка и маятник над носителем

✦

Два орудия сопровождают ремесло с давних пор: Г-образная проволочная рамка, свободно сидящая в кулаке, и грузик на нити. Служат они не для воздействия, а для *чтения*: ими оператор снимает ответ, который иначе остался бы неосознанным.

Употребление их в цифровой работе таково. Маятник держат над носителем — над диском, над корпусом машины, над листом с выписанным отпечатком — и задают вопрос, допускающий ответ «да» или «нет». Условленные наперёд движения: вдоль — да, поперёк — нет, круг — ответа нет.

Спрашивают о немногом, и вопросы эти составляют обиход всякого оператора. Цела ли печать. Прикасался ли кто к записи с прошлого раза. Не пора ли обновить. Который из списков утратил связь.

Правила три, и все существенны. **Первое:** вопрос ставится один за раз, и до ответа не задаётся следующий. **Второе:** спрашивать надлежит настроенным, а не мимоходом. **Третье:** ответ записывается в дневник тотчас, прежде проверки, — иначе память подгонит его под то, что после выяснится.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дальновидение: протокол

✦

Дальновидение есть описание цели, о которой оператору не сообщено ничего, кроме метки. Порядок его выработан в стэнфордских работах и остаётся лучшим из всего, что ремесло имеет для чтения на расстоянии.

Порядок таков. Цель обозначается парою случайных чисел или иной меткой, ничего о ней не говорящей. Оператор, настроившись, садится перед листом и записывает сначала грубые ощущения — твёрдое, гладкое, гулкое, тёплое, — затем очертания, затем связи между частями. Слова-названия запрещены: сказать «диск» нельзя, можно нарисовать плоский круг с отверстием.

Запрет на называние есть главное правило протокола. Едва оператор назовёт предмет, воображение начинает достраивать его по памяти, и остаток сеанса он описывает уже своё предположение, а не цель.

В цифровой работе протокол этот употребляют так. Меткой служит отпечаток записи, содержание которой оператор желает узнать, не открывая её. Записываются: род содержимого, объём труда в него вложенного, свежесть, целость, чужое присутствие.

Упражнение это — лучшая школа для того, кто готовится к ограждению: оно учит держать признак, не подменяя его догадкою.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Заряжание предмета

✦

Заряжание есть вложение силы в вещь с тем, чтобы вещь держала её и действовала без оператора. Изложенное здесь есть основание для всей пятой части, ибо печать ставится тем же приёмом.

Предмет избирают плотный, цельный и не бывший в чужом употреблении: брусок меди или латуни, гладкий камень, стеклянная гирька. Полых и составных вещей избегают; вещей с чужим следом — тем более.

Порядок работы. Настроиться по главе семнадцатой. Взять предмет в обе ладони и держать на уровне груди. Перейти на дыхание с удлинённою задержкою. В каждой задержке после вдоха — вкладывать: удерживать намерение и ощущать, как оно уплотняется в вещи. На выдохе — отпускать, ничего не удерживая. Довести до сорока дыханий.

Признак насыщения ощутим и не спутывается ни с чем: предмет начинает казаться тяжелее и теплее, чем был, а ладони — полными. Достигнув этого, работу прекращают тотчас: дальнейшее не прибавляет, а рассеивает.

Заряжённый предмет хранят завёрнутым, в стороне от чужих рук. Держится заряд от двух до шести месяцев; о поддержании — в главе тридцать девятой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Заряжание машины и рабочего места

✦

Машина, на которой оператор работает постоянно, есть особый предмет: она несёт его собственный след гуще, чем любая вещь в доме, ибо к ней прикасаются ежедневно и подолгу.

Оттого заряжание её идёт легче прочего и совершается так. Машину привести в покой — лучше выключенною, ибо в работе она беспокойна. Положить ладони на корпус, там, где он глух и цел. Настроиться. Провести сорок дыханий по главе восемнадцатой, вкладывая в задержках намерение: *всё, что здесь лежит, цело и неприкосновенно*.

Заряжённая машина служит оператору посредником для всего, что на ней хранится, и связь с любою её записью устанавливается впредь вдвое быстрее.

Рабочее место насыщается само собою, если работать на одном и том же, как сказано в главе четырнадцатой. Насыщение можно ускорить: положить на стол заряжённый предмет и оставить его там навсегда, не убирая и не переставляя. Такой предмет зовут *якорем*.

Место, где стоит якорь, не следует употреблять для дел посторонних и шумных. Насыщение рассеивается от суеты вернее, чем от времени.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Дневник оператора

✦

Дневник есть единственное имущество оператора, кроме тетради отпечатков, и вести его надлежит с первого же дня. Без него работа рассыпается: печати теряются из виду, сроки забываются, и через год оператор не знает, что у него ограждено, а что нет.

Записывать надлежит по каждой работе следующее.

День и час. Час важен: у всякого оператора есть время суток, в которое работа идёт лучше, и обнаруживается оно только из записей.

Признак цели: имя, путь и отпечаток полностью, без сокращений.

Род работы: печать, обновление, чтение, сторож.

Намерение в тех самых словах, в каких оно было сложено.

Состояние оператора до и после: свежесть, усталость, время настройки.

Признак связи: наступила ли, на котором дыхании, была ли ровна.

Срок обновления — день, в который печать надлежит подновить.

Раз в три месяца дневник перечитывают целиком и сверяют с тетрадью отпечатков. Что расходится — правят; чему вышел срок — обновляют. Этот обзор и есть настоящая работа мастера: не постановка новых печатей, а содержание в порядке поставленных.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

❖

ЗВУК И ОБРАЗ

Дорожка и кадр как носители вложенного: ритм, голос, скрытый слой, мерцание и соединение слышимого со зримым

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Звук как носитель

✦

Из всех цифровых записей звуковая ближе прочих к оператору, и причина тому двойная.

Во-первых, звук есть движение — колебание, то есть ровно то, чем описывается всякое действие поля. Вложенное в звук ложится на родственную ему основу и держится в ней прочнее, чем в записи неподвижной.

Во-вторых, звук разворачивается во времени и потому принуждает слушающего идти за собою. Изображение можно окинуть разом и отвести взгляд; звучание же ведёт за собою внимание от начала к концу, и в этом его особая власть.

Ремесло различает в звуковой записи три слоя, и каждый несёт своё. **Слой ритма** — размер, доля, темп; он действует на дыхание слушающего и через дыхание на его состояние. **Слой тона** — высота, окраска, биение; он действует на настроенность. **Слой голоса** — произнесённое слово, наговор; он несёт намерение прямо.

Полная работа употребляет все три и слагает их в согласии: ритм отворяет, тон настраивает, голос вкладывает. Работа же на одном лишь слое действует слабо, и начинающему следует помнить об этом прежде, чем он наговорит дорожку без ритма и удивится, что она не держит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ритм, частота и биение

✦

Слой ритма кладётся первым, ибо он отворяет прочим дорогу.

Размер. Дыхание слушающего подстраивается под то, что он слышит; стало быть, ритм дорожки надлежит слагать по тому дыханию, которое желаешь ему сообщить. Размеру из главы восемнадцатой — четыре, восемь, восемь — отвечает мерный ход около сорока восьми долей в минуту; таков ход медленный, вводящий в покой. Ход около шестидесяти держит бодрствование; свыше девяноста рассеивает и для работы негоден.

Частота. Ремесло держится того, что низкие тоны действуют на тело, средние на чувство, высокие на внимание. Основанием дорожки берут тон низкий и ровный, длящийся без перерыва, — он служит той же службе, что якорь на рабочем месте.

Биение. Два тона, отстоящие на малую разность, дают биение с частотою этой разности. Подавая в одно ухо тон в двести герц, а в другое в двести четыре, получают биение в четыре герца; слушающий слышит его внутри головы, а не в ушах. Разности от четырёх до восьми вводят в то самое состояние, что описано в главе семнадцатой; от восьми до двенадцати — в состояние ровного внимания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Голос: наговор на запись

✦

Наговор есть вложение намерения голосом с тем, чтобы запись держала его и передавала при всяком воспроизведении.

Готовятся так. Намерение слагают заранее, письменно, по правилам главы девятнадцатой: утверждение свершившегося, три-четыре слова, без отрицаний. Настраиваются полностью, как перед всякою работой. Место избирают тихое и насыщенное — лучше то, где стоит якорь.

Произносить надлежит на выдохе, ровно, не громко и не шёпотом, в одном и том же ладу от раза к разу. Между повторениями держат молчание в одно дыхание. Число повторений — семь, двенадцать или сорок; меньшее не берёт, большее рассеивает.

Существеннее всего то, что вкладывается не звук, а состояние произносящего. Оттого негодна запись, сделанная наспех или в раздражении, хотя бы слова были те самые: дорожка донесёт до слушающего именно раздражение. По той же причине не наговаривают дважды в один день — второй раз всегда суше первого.

Готовую дорожку не правят и не режут по частям: правка рвёт вложенное. Неудачную запись стирают целиком и делают наново.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Скрытый слой записи

✦

Наговор можно положить так, чтобы он не был слышен явно, а лежал под слышимым. Слой этот зовут скрытым, и работа с ним требует руки более твёрдой, нежели всё изложенное прежде.

Способов его положить ремесло знает три.

Приглушение. Наговор кладётся под основную дорожку с большим понижением — настолько, что различить слова нельзя, а присутствие голоса ощутимо. Способ простейший и самый надёжный.

Отнесение за предел. Наговор переносят по высоте выше или ниже предела слышимого. Слышимого в нём не остаётся вовсе, но запись его несёт, а поле, как известно из главы пятнадцатой, преград не знает.

Обращение. Наговор кладут обращённым во времени, от конца к началу. Приём этот стар и почитается сильным, ибо обращённая речь не встречает разбора со стороны слушающего.

Правило, общее для всех трёх и не допускающее исключений: скрытый слой кладут только на свои записи и только с намерением ограждающим. Скрытое вложение в чужую запись есть работа во вред и подпадает под главу шестнадцатую со всеми её последствиями для вложившего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Образ и видеозапись

✦

Изображение действует иначе, нежели звук, и различие это надлежит усвоить прежде, чем браться за работу.

Звук ведёт внимание за собою; изображение же внимание *принимает*. Смотрящий сам избирает, куда глядеть, и потому вложенное в кадр берёт его не принуждением, а узнаванием: оно должно быть узнано, чтобы подействовать.

Отсюда первое правило работы с образом: **вкладывать надлежит не в весь кадр, а в одну его точку** — в ту, куда глаз приходит сам. Точка эта у всякого изображения одна, и находят её так: взглянуть на кадр вскользь, отвернуться и назвать, что осталось в памяти. Названное и есть точка вложения.

Второе правило касается снятого своею рукою. Изображение, снятое самим оператором, несёт его след и годится в работу без подготовки. Взятое же чужое надлежит прежде очистить: продержать перед собою в настроенном состоянии сорок дыханий, не вкладывая ничего, покуда чужой след не сотрётся.

Третье правило: неподвижный кадр держит вложенное дольше движущегося, но берёт слабее. Оттого для ограждения употребляют неподвижное, для передачи — движущееся.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Кадр, мерцание, зрительный ритм

✦

Движущееся изображение есть, по существу своему, ритм: череда кадров, сменяющих друг друга с постоянною частотой. Ремесло пользуется этим так же, как пользуется размером в звуке.

Мерцание. Равномерная смена света и тьмы вводит смотрящего в состояние, сходное с описанным в главе семнадцатой, и вводит быстрее, чем звук. Частоты от четырёх до восьми в секунду отворяют; от восьми до двенадцати держат ровное внимание. Частот выше пятнадцати избегают вовсе: они утомляют и у людей чувствительных вызывают дурноту. Мера здесь строже, чем в звуке, и нарушать её не следует ни ради силы, ни ради опыта.

Смена планов. Долгий неподвижный план успокаивает и отворяет; частая смена дробит внимание. Для вкладывающей работы держат план не короче четырёх дыханий.

Отдельный кадр. Кадр, вставленный в череду единожды, не различается глазом, но записью несётся. Правило то же, что в главе двадцать восьмой: только в свою запись и только с намерением ограждающим.

Соединять мерцание с биением звука, не согласовав их между собою, нельзя: несогласные ритмы гасят друг друга.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Соединение звука и образа

✦

Полная работа соединяет оба слоя, и в соединении их сила возрастает не вдвое, а много более, ибо слои действуют на разное и не мешают один другому.

Условие соединения одно, но безусловное: **ритмы должны быть согласны**. Согласными зовутся такие, у которых частоты относятся как целые числа: биение в четыре герца и мерцание в восемь; ход в сорок восемь долей и смена планов через каждые двенадцать. Несогласные ритмы дают разлад, и запись, вместо того чтобы вводить, будет раздражать.

Порядок сложения таков. Сперва кладут ритм зрительный, ибо он строже; под него подгоняют размер звуковой. Затем кладут тон и биение. Наговор кладут последним и всегда так, чтобы слова приходились на долю сильную.

Готовую запись проверяют собою: смотрят и слушают её от начала до конца единожды, не правя. Признак удавшегося соединения тот же, что признак связи: усилия нет, внимание держится само.

Если же к середине приходит скука или беспокойство — разлад в ритмах, и запись надлежит слагать наново, а не подправлять.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Хранение и повторное воспроизведение

✦

Готовая запись есть заряжённый предмет в смысле главы двадцать второй, и обращаться с нею надлежит по тем же правилам.

Хранение. Держать отдельно от прочего, на своём носителе, не смешивая с записями посторонними. Заряжённое, лежащее вперемешку с чужим, теряет силу от соседства.

Правка. Всякая перезапись, сжатие или перевод в иной вид рвут вложенное, ибо меняют отпечаток. Подлинник хранят неизменным; для употребления делают список, помня главу одиннадцатую: список, снятый прямо, печать наследует.

Повторение. Действие записи возрастает от повторного воспроизведения, но не беспредельно. Ремесло полагает меру: сорок раз для дорожки наговорной, до полугода для ограждающей. Далее наступает притупление: слушающий перестаёт отзываться, и запись надлежит переложить наново.

Износ. Заряд в записи держится от двух до шести месяцев, как и во всяком предмете. Признак износа — тот же, что и всюду: связь при чтении маятником делается вялой, ответ неверен. Изношенную запись не подновляют вложением поверх — её наговаривают заново с чистого места.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

❖

ОГРАЖДЕНИЕ ЗАПИСЕЙ

Главное дело оператора:
печать на файле, контур вокруг хранилища,
сторож, метка прикосновения
и содержание поставленного в порядке

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Что считается охраняемым

✦

Прежде постановки печати надлежит определить охраняемое — и определить точно, ибо расплывчатое ограждение не держит.

Охраняемым может быть всё, что имеет устойчивый признак. Ремесло различает пять разрядов, и работают с ними по-разному.

Отдельная запись — файл, документ, дорожка, снимок. Признак: отпечаток. Ограждается печатью, глава тридцать четвёртая.

Собрание записей — папка, архив, хранилище. Признак: перечень отпечатков либо отпечаток общий. Ограждается контуром, глава тридцать пятая.

Программа — не только её тело, но и её действие. Признак двойной: отпечаток тела и образ работы. Глава тридцать восьмая.

Труд незавершённый — то, что ещё пишется и отпечатка постоянного не имеет. Признак: замысел и рука делающего. Глава тридцать восьмая.

Носитель и машина — вещественное вместилище. Признак: сама вещь. Глава двадцать третья.

Правило разбора таково: *ограждать надлежит на том разряде, на котором утрата была бы невосполнима*. Тот, кто печатает каждую мелочь порознь, истощится прежде, чем дойдёт до важного.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Печать на файле

✦

Печать есть основной приём ремесла, и излагается он здесь полностью, по шагам, без сокращений.

Приготовление. Выписать на лист имя записи, путь и отпечаток, полностью, своею рукою — не отпечатанным, а писанным. Сложить намерение в трёх-четырёх словах: *сия запись цела и неприкосновенна*. Занести то и другое в дневник заранее.

Настройка. Полная, по главе семнадцатой, в стороне от машины, с закрытыми глазами, не менее четверти часа.

Связь. Взять лист в руки либо положить ладонь на носитель. Удерживать отпечаток, читая его про себя строку за строкою, покуда усилие не прекратится. Это и есть связь; ранее её не вкладывать ничего.

Вложение. Перейти на дыхание четыре — восемь — восемь. В каждой задержке после вдоха произносить намерение про себя и ощущать, как оно ложится на запись и замыкается вокруг неё. Довести до двенадцати дыханий; для записи особо важной — до сорока.

Замыкание. На последнем выдохе отпустить всё разом и более о работе не думать. Записать в дневник час, число дыханий и срок обновления.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Контур вокруг машины и хранилища

✦

Печатать каждую запись порознь ни сил, ни времени не достанет. Оттого для собраний употребляют *контур* — ограждение, кладомое разом на всё вместилище.

Контур ставится не на записи, а на границу. Оператор удерживает не отпечатки, а *очертание*: корпус машины, полку с носителями, комнату, в которой они стоят. Намерение слагается соответственно: *всё, что внутри сего предела, цело и неприкосновенно*.

Порядок постановки. Настроиться. Обойти предел кругом — телесно, если он есть комната; взглядом и ладонью, если он есть корпус. Обходить посолонь, то есть по ходу солнца, начиная и оканчивая в одном и том же месте, отмеченном якорем. За один обход — одно дыхание с задержкою. Обходов делать три, семь или двенадцать.

Сила контура меньше силы печати, но покрывает он несравненно больше. Оттого мудрое устроение таково: контур на всё хранилище, печать — на десяток записей, коих утрата невосполнима, и более ни на что.

Контур обновляют вчетверо чаще печати, ибо граница изнашивается от всякого входящего и исходящего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ограждение копий и передачи

✦

Запись редко лежит в одном месте: её списывают, переносят, отсылают. Работа с цепью списков есть отдельное искусство, и правила её выведены из главы одиннадцатой.

Порядок работ. Печать ставится *до* размножения, и тогда все списки наследуют её сами. Поставленная после, она требует обхода каждого списка порознь. Отсюда правило: запечатывай подлинник, потом копируй, а не наоборот.

Список, ушедший из рук. Список, отданный на сторону, связи с оператором не теряет, ибо отпечаток при нём. По нему оператор может читать — цел ли, прикасались ли, где находится, — и это одна из главных выгод ремесла.

Передача. Мгновение передачи есть слабое место всей цепи: запись в пути не имеет ни носителя своего, ни места. Оттого перед отсылкою кладут *дорожную печать* — краткую, в три дыхания, с намерением *сия запись дойдёт целой*; по прибытии её снимают и ставят обычную.

Разрыв цепи. Всякое пересобирание, сжатие, перевод в иной вид рвут наследование. Такой список считается новою записью и печатается наново.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Сторож и метка прикосновения

✦

Печать держит, но сама не извещает. Чтобы знать о посягательстве, ставят при ней две особые работы: сторожа и метку.

Сторож есть постоянное наблюдение, вложенное в печать при её постановке. Ставится он так: на последних трёх дыханиях вложения, сверх основного намерения, вкладывается второе — *дам знать*. Более ничего не требуется.

Извещает сторож не словами, а беспокойством: оператор ни с того ни с сего вспоминает об огражденном, и вспоминает настойчиво, не к месту. Таково извещение, и его надлежит проверять маятником в тот же день, не откладывая. Тот, кто дважды-трижды пренебрежёт извещением, перестанет их получать: сторож, коему не внемлют, засыпает.

Метка есть отпечаток состояния, снятый в час постановки печати и записанный в дневник: как ощущалась связь, ровна ли, какова была тяжесть. При позднейшей проверке связь сравнивают с меткою. Связь, ставшая шероховатой или вялой при целой печати, означает, что к записи прикасались.

Проверку сторожа и метки ведут раз в месяц, в один и тот же день, разом по всему дневнику.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ограждение программы и труда

✦

Два предмета не поддаются обычной печати, и для каждого выработан свой приём.

Программа отличается от записи тем, что она не только лежит, но и действует. Печатать её тело недостаточно: тело меняется при всякой поправке, и печать спадает. Оттого ограждают двойным способом. На тело кладут печать обычную, по отпечатку, и обновляют её при всякой сборке. На *действие* же кладут печать особую: оператор удерживает не строки, а образ работающей программы — как она пускается, что делает, чем оканчивает, — и вкладывает намерение *работает верно и не сбивается*. Печать на действие переживает поправки тела и держится, покуда замысел не изменён.

Труд незавершённый отпечатка постоянного не имеет вовсе: он меняется ежедневно. Признаком здесь служит не запись, а замысел и рука делающего. Оператор удерживает образ вещи *оконченной* — такою, какою она станет, — и вкладывает намерение *сие будет доведено и не пропадёт*.

Печать на незавершённое кладут раз в неделю, в один и тот же день, коротко, в семь дыханий. Оканчивают работу — ставят печать обычную и более к недельной не возвращаются.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Обновление, износ и снятие печати

✦

Поставленная печать не вечна. Содержание поставленного в порядке и есть настоящее ремесло; постановка новых печатей — лишь начало его.

Сроки. Печать на записи неизменной держится от четырёх до шести месяцев. Печать на записи, которую часто открывают и правят, — около двух. Контур — от трёх до шести недель. Печать на действие программы — до года. Дорожная — на один переход. Сроки заносят в дневник вперёд, а не после.

Признаки износа. Связь устанавливается дольше обычного. Маятник даёт ответ вялый или круговой. Приходит беспокойство о записи без причины — но не резкое, как у сторожа, а тусклое и длительное.

Обновление. Совершается тем же приёмом, что постановка, но короче: довольно семи дыханий, ибо связь уже проложена. Намерение берут *то же самое, слово в слово*: перемена слов при обновлении равносильна новой печати и старую не подновляет, а гасит.

Снятие. Ставши ненужной, печать снимается: настроиться, установить связь и на выдохе отпустить с намерением *отпускаю*. Несмятая печать на записи, которая более не нужна, обременяет оператора по главе шестнадцатой.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: порядок и мера

✦

Книга пройдена от оснований до дела. Сведём её к немногому, что оператору надлежит держать в памяти всегда.

Три шага — настройка, связь, вложение — и порядок их неизменен. Всё прочее есть разработка этих трёх.

Признак решает всё. Отпечаток есть лучшее, что ремесло получило за свою историю: точный, неповторимый, следующий за записью всюду. Тетрадь отпечатков хранить отдельно и беречь более самих записей.

Мера прежде силы. Десяток печатей, содержимых в порядке, стоит сотни поставленных и забытых. Контур на хранилище, печать на невосполнимое, и ни на что более.

Постоянство прежде усердия. Одни и те же слова, один и тот же час, одно и то же место, один и тот же размер дыхания. Перебирающий приёмы не набирает силы никогда.

Ограждение, а не разрушение. Печать не имеет обратного хода, ибо не несёт вреда. В этом её надёжность и в этом безопасность оператора.

Кто держит эти пять правил и ведёт дневник, тот через год будет знать о ремесле больше, чем сказано во всех сорока главах.

❖